

О ПРАВЕ РОДИТЕЛЕЙ НА РЕЛИГИОЗНОЕ ВОСПИТАНИЕ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ США

Аннотация. В статье рассматривается реализация права родителей на религиозное воспитание на примере отдельно взятых дел из судебной практики США. Американский опыт представляет определенный интерес в связи с ростом актуальности данной проблемы, вызванным увеличением количества межрелигиозных браков, а также религиозной активности и религиозного самосознания населения Российской Федерации.

Ключевые слова: религиозное воспитание; фактический или существенный ущерб; риск причинения ущерба; стандарт, согласно которому не требуется доказательства причинения ущерба, ни фактического, ни в будущем; общее благополучие ребенка.

Abstract. The article considers the implementation of the rights of parents on religious education by the example of individual cases from judicial practice of the United States. The American experience is of specific interest due to increased relevance of the problem caused by increasing number of interfaith marriages and religious activity and religious identity in the Russian Federation.

Key words: religious education; actual or substantial harm; risk of harm infliction, standard not requiring proof of actual or prospective harm infliction; general welfare of a child.

Подлинная цель религии заключается в воспитании людей и их духовных и нравственных чувств. Родители представляют собой первые примеры, по которым ребенок знакомится с нравственными и религиозными ценностями и вообще учится, как вести себя в жизни. Семья представляет собой очаг, в котором нравственные ценности и религиозные убеждения передаются из поколения в поколение, и создает почву для душевного и эмоционального роста человека.

«Едва ли найдется настолько чреватая трудностями сфера в спорах между разводящимися родителями, чем комбинация таких эмоциональных привязанностей, как осуществление родительских прав после развода и различие религиозных верований матери и отца» (из решения Верховного Суда штата Северная Дакота по делу Хансон против Хансона) [1]. Когда родители, исповедующие различные религии, расстаются, они далеко не всегда могут договориться о том, какое религиозное воспитание будет дано их детям. Такого рода споры, являющиеся сравнительно недавним феноменом ввиду одновременного роста межрелигиозных браков и уровня разводов в последние тридцать лет, широко обсуждаются на судебных заседаниях по всей стране. К сожалению, в решении этого вопроса нет национального единообразия, в каждом конкретном случае вопрос решается по усмотрению суда.

При разрешении споров между родителями по поводу религиозного воспитания детей суды пытаются найти баланс между конкурирующими интересами. С одной стороны, суды должны защищать предусмотренное Первой поправкой к Конституции право индивидуума на свободу вероисповедания (*First Amendment right*), а также право родителя на воспитание своих де-

тей согласно личным пожеланиям [2]. С другой, решая дела об опеке и праве доступа, государство как *parens patriae* (суверенная власть опекуна над недееспособными лицами) должно защищать в большей степени интересы ребенка. Когда один из родителей заявляет, что религиозная активность другого родителя не в интересах ребенка, перед судом стоит сложная задача решить, есть ли необходимость посягнуть на право, защищаемое Первой поправкой, и родительские права путем ограничения религиозной активности родителя.

Суды штатов при решении подобных дел обычно применяют один из следующих трех правовых стандартов:

1. «Фактический либо существенный ущерб» (*actual or substantial harm*). Суды, применяющие данный стандарт, ограничивают религиозную активность родителя, только если другой родитель докажет, что такая активность стала причиной фактического либо существенного ущерба для ребенка. Этот стандарт используется во многих штатах, включая следующие: Калифорния, Колорадо, Флорида, Айдахо, Индиана, Айова, Мэриленд, Массачусетс, Монтана, Небраска, Нью-Джерси, Нью-Йорк, Северная Дакота, Огайо, Род-Айленд, Юта, Вермонт и Вашингтон.

В некоторых штатах, например в Мэриленде и Огайо, может использоваться термин «фактический ущерб» в одном случае и «существенный ущерб» в другом, даже если факты сходны. В других штатах фактический ущерб и существенный ущерб рассматриваются как два различных стандарта. В действительности разница между терминами минимальна, и важна не столько терминология, сколько наличие существенных доказательств причинения вреда физическому либо умственному здоровью ребенка. Вот несколько примеров того, как суды, следуя стандарту фактического либо существенного ущерба, по-разному разрешают споры.

В деле Муноз против Муноза (*Munoz v. Munoz*) в 1971 г. Верховный Суд штата Вашингтон постановил, что воздействие на несовершеннолетних двух различных религий само по себе не является вредным и поэтому не является оправданием для ограничения религиозной активности родителя. В рассматриваемом деле суд наделил единоличной опекой мать, исповедующую религию мормонов. Последняя обратилась с просьбой к суду обязать ее бывшего мужа, католика, воздержаться от посещения церкви совместно с их детьми, так как, по ее мнению, это бы ввело несовершеннолетних в замешательство. Однако мать не предоставила каких-либо доказательств, что приобщение к католицизму приносит физический либо умственный вред детям. Таким образом, Верховный Суд штата Вашингтон постановил, что воздействие двух религий автоматически не оказывает вреда на детей. Так как не было предоставлено доказательств фактического ущерба для детей, суд разрешил отцу водить их в церковь. Решение суда гласило: «Суд должен придерживаться позиции строгой беспристрастности по отношению к религиям и не должен ограничивать какое-либо лицо, обладающее правами опеки либо доступа, в его желании водить детей в определенную церковь за исключением случая, когда существует ясное и убедительное доказательство (*clear and affirmative showing*) того, что конфликтующие религиозные верования затрагивают общее благополучие ребенка. Если суд не следует общеустановленному правилу невмешательства в религиозные дела при разрешении дел об опеке и праве доступа без убедительного доказательства неопровержимых

причин, такие действия будут рассматриваться как злоупотребление доверием» [3].

В деле Патер против Патера (*Pater v. Pater*) [4] Верховный Суд штата Огайо принял решение, согласно которому религиозные традиции, ограничивающие ребенка от общественной жизни, даже если это изолирует его от сверстников, не служат достаточным оправданием вмешательства суда, если только ребенку не причиняется физический или умственный вред. В данном деле после того, как родители расстались, ребенок проживал с матерью, принадлежащей к религии Свидетелей Иеговы. Позднее суд назначил опекуном отца из-за религиозных обычаев матери, включающих отказ отмечать праздники, общаться с людьми другой веры, чествовать государственный флаг и петь национальный гимн. Верховный Суд штата пересмотрел решение суда первой инстанции и наделил опекой мать. Суд постановил, что религиозные убеждения матери, ограничивающие детей от участия в социальной и патриотической жизни, не оказывают отрицательного влияния на физическое либо умственное здоровье детей.

2. «Риск причинения ущерба» (*the risk of harm standard*). В судах некоторых штатов, таких как Миннесота, Монтана, Северная Каролина, Пенсильвания, родитель, желающий ограничить религиозную активность другого родителя, не обязан предоставлять доказательства фактического либо существенного ущерба для ребенка, а должен лишь доказать наличие риска причинения ущерба в будущем.

В деле Маклаган против Клейна (*McLagan v. Klein*) [5] суд штата Северная Каролина применил данный стандарт. Родители договорились воспитывать дочь в иудейской вере, вере отца. Однако после сепарации мать стала водить ребенка в методистскую церковь. Отец выступил против и подал иск о назначении его опекуном. Так как девочка идентифицировала себя как еврейку с возраста трех лет. Суд посчитал, что влияние методистской религии может нарушить ее религиозную идентификацию и отрицательно повлиять на эмоциональное состояние. Основываясь на предположении, что ребенку может быть причинен ущерб в будущем, суд наделил отца единоличным контролем религиозного воспитания дочери.

Таким образом, дела Муноз против Муноза и Маклаган против Клейна демонстрируют, как применение различных правовых стандартов к случаям со сходным фактическим составом может привести к противоположным результатам. В обоих делах суды на один и тот же вопрос (может ли суд ограничить религиозную активность одного из родителей, если ребенок подвергается воздействию двух религий?) дали различные ответы. Поскольку каждый суд может принимать решения по своему усмотрению в соответствии с правом конкретного штата, нет средства предотвратить контрастные результаты при рассмотрении сходных дел до тех пор, пока Верховный Суд США не выскажет свое мнение по данной проблеме.

3. Стандарт, согласно которому не требуется доказательства причинения ущерба, ни фактического, ни в будущем (*the no harm required standard*). В некоторых штатах, например в Арканзасе и Висконсине, суды следуют простому правилу: родитель, наделенный правом единоличной опеки, осуществляет исключительный контроль за религиозным воспитанием ребенка. В случае возникновения спора между родителями по данному вопросу суд

поддерживает родителя-опекуна и принимает решение об ограничении религиозной активности родителя, не являющегося опекуном. В данном случае суд придерживается мнения, что такое вмешательство в религиозную жизнь родителя, не являющегося опекуном, не нарушает право, защищаемое Первой поправкой, так как ограничения действуют только во временной период, когда родитель находится с ребенком. В остальное время родитель свободен вести религиозную жизнь согласно своим желаниям. В связи с тем, что в большинстве штатов родителей наделяют правом совместной опеки, рассматриваемый стандарт применяется редко.

В деле Джонс против Джонса (*Johns v. Johns*) [6] отец обратился с жалобой в суд на то, что мать, обладающая единоличной опекой, не позволяет ему общаться с детьми. На суде мать заявила, что это происходит потому, что отец не водит детей в церковь и в воскресную школу. Суд штата Арканзас обязал мистера Джонса водить детей в церковь. Впоследствии апелляционный суд поддержал суд первой инстанции, отметив, что желание матери как родителя-опекуна является первостепенным.

Родители, обладающие правом совместной опеки, находятся в более предпочтительной позиции для того, чтобы убедить суд принять во внимание пожелания обоих. В деле Зуммо против Зуммо (*Zummo v. Zummo*) [7] суд, разрешая спор разводящихся родителей по поводу религиозного воспитания детей, обязал отца водить детей на иудейские мероприятия (религия матери), в то же время позволив ему ходить с детьми на католические службы (его религия). По мнению суда, ввиду наличия совместной опеки каждый из родителей имеет право внушать свои религиозные убеждения детям.

Безусловно, такая ситуация может иметь негативные последствия для психики ребенка, поскольку разные религии имеют совершенно разные моральные и этические установки, подчас несовместимые друг с другом. Несомненно одно: цель совместного осуществления родительских прав должна состоять прежде всего в выработке единых подходов и методов воспитания и в совместном принятии решений относительно ребенка, а не в предоставлении каждому из родителей полной свободы выбора методов воспитания, без согласования их с другим родителем.

Существуют штаты, например Монтана и Пенсильвания, в которых разные суды применяют различные правовые стандарты, если только Верховный Суд штата не принял определенный стандарт.

Таким образом, конституционные свободы родителей, не являющихся опекунами, получают различный уровень защиты. Наиболее проблематичным является стандарт, который полностью лишает родителя, не являющегося опекуном, контроля над религиозным воспитанием ребенка. Однако и суды, применяющие два других правовых стандарта, вынуждены искать баланс между правами родителя, защищаемыми Конституцией, и *parens patriae*, интересом штата, являющимся широким понятием, выражающимся в расплывчатых и двусмысленных терминах, таких как «общее благополучие ребенка» (*general welfare of the child*). По мнению многих авторов, Верховному Суду США в целях установления единообразной защиты конституционных прав родителей следует применять истребование дела из производства нижестоящего суда в качестве средства судебной защиты в случае наложения запрета на осуществление права доступа по религиозным соображениям [8]. Для это-

го Верховному Суду необходим соответствующий критерий, применение которого позволит найти баланс между интересами родителей и государства.

Родители могут заключить устное либо письменное соглашение о религиозном воспитании детей. Однако проблема состоит в том, что подобные соглашения далеко не всегда получают судебную защиту. Играют роль следующие причины:

- неопределенность соглашения: суд не может определить, о чем конкретно договорились стороны, и, следовательно, выбрать объективное средство судебной защиты;

- стороны имеют различные версии соглашения;

- соглашение было заключено много лет назад или до заключения брака и не содержит прямо выраженной воли сторон распространить его действие и на случай развода;

- суды не хотят ограничивать родительские права и права, предусмотренные Первой поправкой (данный аргумент предполагает, что судебная защита соглашения противоречит публичному порядку).

Большинство решений, в которых суды отказываются от принудительного исполнения соглашений, основывается на последней причине – причине неконституционности [9].

Необходимо отметить, что Верховный Суд США по сей день не высказал своего мнения по поводу конституционности принудительного исполнения соглашений о религиозном воспитании детей, и поэтому не существует контроля на федеральном уровне за решениями судов по данному вопросу.

Во-первых, по мнению сторонников данной точки зрения, предоставление судебной защиты соглашению осложняет работу суда, ибо ему приходится углубляться в религиозную доктрину, что само по себе нарушает автономию религиозных институтов.

Во-вторых, принудительное исполнение соглашений влечет за собой осложнения административного характера, ибо требует текущего наблюдения за религиозной деятельностью детей и родителей, например, когда суд запрещает родителю внушать свои религиозные убеждения детям или ограничивает его посещения церкви в сопровождении детей.

В-третьих, судебная защита соглашения о религиозном воспитании требует вмешательства в право каждого из родителей на свободу вероисповедания и распространения своих религиозных убеждений на детей. Причем разрешение любого спора, затрагивающего вопросы религиозного воспитания (при наличии соглашения или его отсутствия), неминуемо влечет вмешательство в права обоих родителей на контроль религиозного воспитания детей. Если каждая из сторон желает воспитывать детей исключительно в соответствии со своей религией, то суд неизбежно нарушит право одной, а то и обеих сторон.

В таком случае суду предпочтительно поддержать ограничения, наложенные самими родителями в соглашении (если они не противоречат наилучшим интересам ребенка), нежели наложить их самому.

В любом случае многие адвокаты советуют заключать добрачные соглашения о религиозном воспитании детей, которые снижают риск возможных конфликтов на этой почве. Такое соглашение должно быть заключено в письменной форме, написано ясным языком, содержать четкие положения, основываться на нейтральных принципах договорного права, не может нару-

шать конституционные принципы свободы совести и вероисповедания [10]. Соглашение должно содержать не просто обещание воспитать детей в определенной вере, но и включать перечисление всех религиозных институтов, служб, образовательных учреждений и ритуалов, участия в которых родители бы желали для своих детей. Также желательно включить в подобный список религиозные действия, от участия в которых дети будут воздерживаться. Будущим родителям, желающим, чтобы соглашение осталось в силе и в случае развода, следует оговорить данное намерение в его тексте.

В юридическом журнале *Duke law journal* был опубликован образец добрачного соглашения о религиозном воспитании детей, рожденных в браке [9], которое с большой долей вероятности получит судебную защиту при разумном обосновании.

**Образец добрачного соглашения
о религиозном воспитании детей, рожденных в браке**

Мы, _____ и _____, заключили настоящее соглашение с целью решения вопроса религиозного воспитания всех детей, которых мы будем иметь в течение брака. Мы пришли к данному соглашению сознательно и добровольно. Мы выражаем намерение распространить действие соглашения на весь период брака, а в случае развода и после развода.

_____, исповедующий _____, и _____, исповедующая иудаизм, договорились воспитывать детей в иудейской вере. Наши дети будут членами синагоги, которая принадлежит к на правлению реформистского иудаизма. Мы договорились, что наши дети мужского пола пройдут процедуру обрезания в возрасте _____, а дети женского пола пройдут церемонию присвоения имени в синагоге, проводимую раввином. Мы выражаем согласие на то, чтобы наши дети посещали светскую школу в целях получения общего образования, а также религиозную школу в синагоге каждое воскресенье по достижении ими пяти лет. Мы договорились, что наши дети будут посещать вечерние службы в синагоге по пятницам и субботам с возраста одного года. По достижении восьми лет первые шесть недель каждого лета наши дети будут находиться в летнем лагере, организуемом синагогой. В возрасте двенадцати лет наши дети начнут подготовку к бар митцва в синагоге.

Наши дети не будут посещать религиозные службы, школы или лагеря, организованные любой другой религиозной организацией. Наши дети будут участвовать в религиозных службах _____ (религия другого родителя) в случае свадьбы, похорон, крещений членов семьи _____ (другого родителя).

В России вопрос реализации права родителей на религиозное воспитание в настоящее время еще не приобрел такой остроты, как в США. Однако американский опыт представляет определенный интерес в связи с ростом актуальности данной проблемы, вызванным увеличением количества межрелигиозных браков, а также религиозной активности и религиозного самосознания населения Российской Федерации. Изучение подходов к решению проблемы реализации права родителей на религиозное воспитание в праве США также важно и потому, что российское законодательство, к сожалению, не содержит норм, регулирующих отношения по религиозному воспитанию, а судебная практика по данному вопросу отсутствует.

Список литературы

1. Hanson v. Hanson, 404 N.W. 2D 460 (N.D. 1987).
2. **Robayo, L.** Child custody and religion. Nolo's legal encyclopedia / L. Robayo. – Berkeley, 2001. – P. 115.
3. Munoz v. Munoz, 79 Wash. 2d 810, 489 P.2d 1133 (1971).
4. Pater v. Pater, 63 Ohio St. 3d 393, 588 N.E. 2d 794 (1992).
5. McLagan v. Klein, 123 N.C. App. 557, 473 S.E. 2d 778 (1996).
6. Johns v. Johns, 53 Ark. 90, 918 S.W. 2d 728 (1996).
7. Zummo v. Zummo, 394 Pa. Super. 30, 574 A. 2d 1130 (1990).
8. **Smith, Kevin S.** Religions visitation constraints on the noncustodial parents: the need for national application of a uniform compelling interest test / Kevin S. Smith // Indiana law journal. – 1996. – Vol. 71, № 3. – P. 10.
9. **Strauber, J. E.** A deal is a deal: antenuptual agreements regarding the religious upbringing of children should be enforceable / J. E. Strauber // Duke law journal. – 1998. – V. 47, № 5. – P. 11.
10. **Rosenberg, R. A.** Happily intermarried / R. A. Rosenberg. – N. Y., 1988. – P. 135–136.

Андреева Леонила Сергеевна
аспирант, Пензенский
государственный университет

E-mail: shelevyn4ik@inbox.ru

Andreeva Leonila Sergeevna
Postgraduate student,
Penza State University

УДК 341.231.7

Андреева, Л. С.

О праве родителей на религиозное воспитание по законодательству США / Л. С. Андреева // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 2 (22). – С. 27–33.